

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

— Поехали на Арбах, — еще нередко можно услышать в разговоре людей, собравшихся навестить пос. Рудничный, что сразу за Краснотурьинском в сторону Серова. «Арбахом» называют поселок упрощенно и по старой памяти — когда-то не так давно он, действительно, именовался Ауэрбахом.

Что за странное название! В честь чего или кого! Оказывается, жил и работал здесь видный по тем временам горный специалист Александр Андреевич Ауэрбах (умер в 1916 году), которому становлением своим и ростом во многом обязан бывший Богословск, ныне наш родной город.

В июле этого года в «Правде» был напечатан рассказ ныне покойного писателя Валентина Пикуля об А. А. Ауэрбахе. Рассказ назывался «Ртутный король России». Но, как нам кажется, наших читателей больше интересует не «ртутная» деятельность горного инженера, им хочется знать, *чем* занимался он в Богословске, сколь пользы принес для развития нашего края. Идя навстречу пожеланиям читателей, мы публикуем выдержки из рассказа В. Пикуля.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ: НАВСТРЕЧУ ДНЮ ГОРОДА

Ауэрбаха причислили чиновником в Главное Горное управление, но делами не отягощали. Но уже подрастали трое его сыновей — пора о них думать. Александр Андреевич заранее предупредил жену, что судьба, оторвав его от юга, поворачивается к северу: его начали соблазнять службою миллионер Асташев, графы Шувалов и Воронцов-Дашков, владевшие золотыми приисками в тех краях, где хорошо бы волков морозить.

— Сонечка, — сказал он жене, — мне уже скоро тридцать пять лет, но до сей поры мои знания и моя житейская сноровка обогащали только других. Не пора ли, я думаю, взяться за дело, чтобы обеспечить детей и принести пользу Отечеству?

Софья Павловна однажды ездила в Тамбов, чтобы навестить своих родичей, а вернувшись в столицу, сообщила мужу, что наследники тамбовского богача Башмакова, недавно умершего, желали бы видеть его своим управляющим. Будучи в Мариинском театре, Ауэрбах случайно встретил балетомана (Скальковского, дельца и писателя, тоже из горных инженеров.

— Костя, брать ли мне башмаковские прииски?

— Тамошняя медь дороже золота, — пояснил Скальковский.

— Чего в округе не хватает?

— Ума и морали.

— Ты рассуждаешь, как писатель, а меня волнует иное...

Богословский округ (ныне там город Карпинск) в давние времена принадлежал масону Походяшину, который делился доходами со знаменитым Н. И. Новиковым, издававшим книги для мистического понимания. Сколько лет прошло с той поры, а этот

округ, вписанный в северный угол Пермской губернии, оставался для русских так же ведом, как и жюль-верновская Патагония...

—Надо ехать, — сказал Ауэрбах, — в эту дыру.

—Что ты, милый, всегда выбираешь какие-то «дыры»?

— Но через эти «дыры» лучше видится будущее России.

Приехав, Ауэрбах понял, что здесь уже конец света. Сам поселок заброшен, половина домов заколочена, жители разбегались, на дорогах грабили, население в основном составляли потомки каторжан или беглые, на приезжих они глядели, как волки на барашков. Было лето, на вершинах окрестных гор, поросших хвойным лесом, снег еще не растаял. Еда была отвратительная, хлеб невыпеченный. На приисках шевелилось золотишко, удобное для хищений, а сам медеплавильный завод напоминал громадный сарай.

Ауэрбаха прежде всего поразила всеобщая нищета, виною чему были ничтожные заработки. Он даже ужаснулся, когда в цехе завода поговорил с пожилым плавильщиком.

— Сколько часов ты жарись у плавильных печей?

—С шести утра до шести вечера.

—А сколько тебе платят в этом пекле?

— В день загребаю сорок пять копеек.

— Тут и загребать-то нечего. А сколько хлеб стоит?

—За пуд эдак рубля полтора.

—Как же ты живешь, братец?

— Как все, так и я...

Все жили отвратительно. И стало уж совсем тошно, когда вечером подслушал с улицы волшебный диалог двух аборигенов:

— Слышь! А где Степан-то?

— Да он дома севодни. Пьяный лежит.

—А ты кудыть?

—Похмеляться к Федору... Пошли вместилах?

—Да я пошел бы. Не могу.

—Чего так?

—Меня Иван звал.

—А что у Ивана?

—Обещал выпивку. Вот иду.

—Я тоже. Пошел. Прощай, брат!

—Будь здоров, друг ситный.

—Заходи когда, — слышалось с улицы. — Может, выпьем.

— Зайду. Вместилах похмелимся...

«Шекспир, где ты?» — подумалось Ауэрбаху, и свою первую встречу с местными властями он начал словами:

— Так жить нельзя. Пока не повысим ставки рабочим, пока водку не заменим те-

атром и душеспасительными лекциями, от Богословска ничего ожидать нельзя, а сам округ обречен на вымирание. Жалуетесь, что бегут? Верно. Я бы и сам убежал.

— Александр Андреевич, — отвечали ему, — вы человек новый, всех наших дел знать не можете, а тут такая шваль собралась, что им не театр, а веревку надобно, чтобы всех перевешать...

— Вернувшись в Петербург, он, обозленный, сказал жене:

— Мои беспаспортные шахтеры Донбасса, беглые и бродяги, сейчас представляются мне лишь наивными идеалистами по сравнению с теми, кого я увидел в Богословском горном округе.

Но, уже раззадорясь тем, что его, как последнего дурачка, высмеяли, сочтя Дон Кихотом, Александр Андреевич теперь уже сам просил назначить его богословским горным начальником.

— Только не мешайте, — предупредил он наследников покойного камергера Башмакова. — А тебе, — сказал он Софье Павловне, — предстоит какой-то немалый срок пожить вдали от меня...

Начал он круто, объявив рабочим, что станет платить не поденно, а лишь сдельно — по наглядным результатам труда. И сразу возник бунт, ибо порядки еще со времен Походяшина казались всем нерушими, а в словах Ауэрбаха рабочие усматривали хитрый подвох. С этого времени он получал подметные письма с угрозами убить его. Но Ауэрбах не уступил никому, целый год прожив в небывалом напряжении нервов, зато тот же плавильщик стал получать не гроши, а сразу полтора рубля. После этого «рабочие прониклись полным уважением и преданностью к А. А., слово которого стало для них законом, а всякое его распоряжение исполнялось беспрекословно». До появления Ауэрбаха Богословский завод давал 17.000 пудов меди, а он довел выплавку до 50.000 пудов, и произошло второе чудо — перестали убегать, напротив, люди съезжались в Богословск, заколоченные дома вновь задымили печами, пришлось строить новые, — так возникали новые улицы.

Тот самый Ауэрбах

Александр Андреевич собрал на базаре народную сходку.

— Теперь, когда вы у меня малость разжились, я стану вас грабить... Не смейтесь! С этого дня каждый из вас будет отдавать два процента приработка в пользу общественного капитала, чтобы обеспечить пострадавших в труде, кого бревном придавило или обожгло у горна, чтобы создать при заводе детские ясли и, наконец, чтобы вы, звери, по вечерам в театр ходили...

Теперь на все были согласны. Потому что поверили.

Проездом через Пермь он навестил губернатора.

— Что вы еще придумали? — осведомился тот.

— Увы, не я придумал электричество, не мною изобретен водопровод, но все

это необходимо для того, чтобы в моем Богословске люди жили не хуже, чем рабочие в Бельгии... Смешно?

— Нет, — сказал губернатор. — У меня для вас новость, вернее, две новости сразу. Первая: для создания Сибирской магистрали скоро понадобится неслыханное количество рельсов, и одному Джону Юзу не справиться. Так что подумайте на досуге о налаживании рельсопроката. Вторая же новость такова: наследники Башмакова решили продавать весь Богословский округ.

— Обратно в казну?

— По слухам, — отвечал губернатор, — Богословские заводы, как и золотые прииски, покупает какая-то очень знатная дама. Впрочем, в Петербурге вы все в подробностях и узнаете...

Подробности таковы. Когда-то к порогу дома банкира, Штиглица подкинули двух девочек-младенцев, и одна из них, Надежда Михайловна, стала женою статс-секретаря Половцева, который ее приданое тратил на создание знаменитого училища, Штиглица (а ныне, читатель, названного именем Веры Мухиной).

Надежда Михайловна, узнав о появлении Ауэрбаха в столице, просила навестить ее в лужском имении Рапти. На берегу озера, где плавали белые и черные лебеди, она жила в сказочном дворце, наполненном сокровищами искусства (теперь там колхоз, а дивные скульптурные изваяния я сам видел в кучах навоза на скотном дворе). Половцева сказала Ауэрбаху, что покупает Богословский округ за шесть миллионов рублей.

— Дешево, правда? — поиграла она глазами.

— Сушья ерунда! — бодрым смехом откликнулся Ауэрбах.

— А я хотела вас видеть, чтобы просить остаться управляющим округом. Обещаю слушаться вас, словно паинька...

Ауэрбах понял: там, где о шести миллионах говорят как о шести рублях, можно не стесняться в расходах. Он сказал женщине, что согласен остаться в Богословске с условием, если мадам Половцева уделит толику на создание железной дороги.

— Сколько же верст вы ее планируете?

— Чуть более двухсот. Богословский завод протянет рельсы до станции Кушва Уральской железной дороги, а на реках Сосьва и Тавда надобно вам заводить собственное пароходство.

— Что еще?

— Электричество. Водопровод. Канализация. И... театр.

— Согласна и на театр, — отвечала Надежда Михайловна.

Ауэрбах поспешил повидаться с И. А. Тиме, профессором Горного института (это отец известной нашей актрисы Е. И. Тиме).

— Иван Августович, — сказал он ему, — я предлагаю вам прогулку по Европе, чтобы, высмотрев все самое лучшее в рельсопрокатном производстве, вы все это лучшее закупили для оборудования Богословских заводов. В средствах прошу не стесняться: мадам Половцеву нам все равно не разорить.

Софья Павловна, навещавшая мужа в Богословске, заметила на улицах попроша-

ек-сирот. От местных женщин она узнала, что девицы беременеют и, чтобы избежать позора вселенского, делают себе аборт, отчего многие и помирают. Об этом говорила с мужем еще при наследниках Башмакова, которые не были дароваты на дела милосердия, и Александр Андреевич отвечал жене:

— Не спору, родильный приют надобен. Но денежки на него ты, моя дорогая, выкладывай из своего ридикюля...

Когда же округ стал владением Половцевых, он завел в городе приют для сирот. Со всей округи в Богословск свозили бездомных детей, девочек обучали уходу за корами, мальчики осваивали ремесла, осенью дети ходили в лес, собирали грибы и ягоды на зиму. А мадам Половцева была человеком щедрым:

— Даю вам карт-бланш на любую сумму, и делайте что хотите, ибо я сама из подкидышей, потому и понимаю, как необходимо для утверждения нравственности все доброе... Простите, Александр Андреевич, я, кажется, вас перебила?

— Да нет, — сказал Ауэрбах, — у меня не выходит из головы грешная мысль о создании в Богословске театра, наконец, рабочим надобно читать лекции — о природе, по истории, всякие.

— Да, да, да! И пусть театр будет бесплатным.

— Ни в коем случае! — горячо возражал Ауэрбах. — Когда в наших аптеках дают больным бесплатные лекарства — так надо. Но нельзя развращать людей мыслью о доступности мира искусства. Нет! Пусть рабочий с женою выложат в кассе хотя бы гривенник, чтобы знали — музы берут с людей пошлину...

Платный театр он создал, а вот лекции для рабочих нарочно сделал бесплатными, зато в дверях клуба поставил дядю Васю, чрезвычайно опытного по части выпивки и похмелки, и тот, за версту почуяв неладное, вопрошал со всей строгостью:

— А ну дыхни, мать твою за ногу! Выпил — незя!

— Дядь Вась, да это ишо опосля вчерашнего.

— Приходи завтра, и чтобы — ни-ни, иначе незя...

А жизнь шла своим чередом. У хорошего хозяина ничто даром не пропадает. Вот увидел Ауэрбах дым из фабричной трубы:

— Сколько ж добра на ветер вылетает! Надо подумать...

Сера, улетающая в поднебесье при обжиге медных руд, побудила строить заводик для ее переработки. Зато из дыма явилась серная кислота, значит, для торговли ею потребны особые бутылки, нужно стеклянное производство. Но кислоты избыток, значит, опять ломай голову. Ауэрбах, думай, на то ты и хозяин.

- Чем черт не шутит! Пусть будет у нас и фосфорный завод, чтобы использовать избытки серной кислоты на месте.

— Для фосфора потребуется немало кости, — подсказали ему.

— А на что Сибирь-матушка, в которой чего-чего, а уж костей-то всегда наберется. Организуйте закупку...

Главное же сейчас — чугуноплавильный завод, чтобы дать Сибири гигантское

количество рельсов для уникальной железнодорожной трассы. Одно цеплялось за другое, а люди едут и едут, значит, нужны жилища. За одну зиму дома срубили, по весне их поставили в ряд, вот тебе и улица, по вечерам освещенная электричеством, а в домах — водопровод и канализация... Однажды летом 1894 года Богословск посетила сама Надежда Михайловна Половцева и удивилась обществу этого города: ее встречали на пристани профессора, инженеры, студенты, артисты. Приехала же она не просто так, а ради серьезного разговора, о чем Ауэрбах и догадался с первого же ее вопроса.

— Александр Андреевич, как вы ко мне относитесь?

— Видит бог — очень хорошо!

Половцева намекнула, сколько денег вылетело на строительство металлургического завода и нового города при этом заводе.

— Уйма денег! — согласился Ауэрбах, кивая.

— И у меня возникло желание... не совсем скромное, может быть, но вы должны понять маленькое тщеславие женщины.

Она покраснела. Ауэрбах распустил бороду, развел руками:

— О чем разговор? Кто платит за музыку, для того и все оркестры играют. Не смущайтесь. Говорите. Слушаю.

— Я хочу, — скромно потупилась Надежда Михайловна, — чтобы завод называли НАДЕЖДИНСКИМ, а сам город — НАДЕЖДИНСКОМ...

Теперь город Надеждинск называется Серовым (в память о летчике А. К. Серове).

Пикуль, В. Тот самый Ауэрбах : страницы памяти : [отр. из рассказа «Ртутный король» о деятельности А. А. Ауэрбаха в Богословс. горн. окр.] // Заря Урала. — 1990. — 13 сент.